

ФАМИЛЬНЫЕ ФРОНТИРЫ: ГЕНДЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ РИСКАМ ТРАНСГРАНИЧНОСТИ В ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ МОБИЛЬНОГО РОДИТЕЛЬСТВА

Толстокорова А.В.

Толстокорова Алиса Валерьевна, канд. филол. наук, доцент, научный эксперт,
Независимый аналитический центр, Киев, Украина
e-mail: alicetol@yahoo.com

Данная статья продолжает цикл работ автора, посвященных проблематизации психо-эмоциональных рисков в трансграничных семейных отношениях родителей-мигрантов с их остающимися дома детьми на примере украинской транснациональной семьи мигрантов. Ее теоретической задачей является дальнейшее развития понятия «эмоциональная культура мобильного родительства», предложенного ранее. Целью работы является выявление гендерно-специфических стратегий, применяемых украинскими трудовыми родителями-мигрантами для сопротивления психо-эмоциональным рискам трансграничных семейных отношений. Работа основана на анализе результатов полевого исследования. В качестве аналитического инструмента для выявления стратегий сопротивления мигрантов используется теория «циркуляции заботы». Выделяется 5 гендерно-специфических стратегий преодоления эмоциональных рисков трансграничности украинскими матерями и отцами-мигрантами. Матери-мигрантки прибегают к следующим стратегиям: «благо детей» как инструмент сопротивления и «интенсификация материнства». Обе стратегии осуществляются в режиме усиления циркуляции заботы. Отцы-мигранты используют такие стратегии сопротивления: стратегия поддержания стабильных эмоциональных связей с семьей в режиме эффективной циркуляции заботы, стратегия компенсации эмоционального дефицита одиноких отцов в режиме усиления циркуляции заботы и стратегия переформатирования эмоциональных связей в режиме снижения или редукции циркуляции заботы.

Ключевые слова: трансграничное родительство, украинская трудовая миграция, трансграничное материнство, трансграничное отцовство, транснациональная семья, эмоциональный капитал, эмоциональные риски, эмоциональная культура мобильного родительства, гендерные стратегии сопротивления.

Введение

В современном мире насчитывается от 220 до 350 млн. человек, живущих за границами тех стран, в которых они родились (Bodley, 2008, р. 2). Многие из этих людей продолжают поддерживать отношения с родными, оставшимися на родине, даже через многие годы после отъезда. Это дает основания утверждать, что в современную эпоху глобализации формируется «новая социокультурная парадигма семейных отношений» (Толстокорова 2017а,

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

стр. 278), осуществляемых в трансграничном формате и обусловленных высокой географической мобильностью населения, а также появлением высоких транспортных и информационных технологий. Эта парадигма базируется на усилиях членов семей мигрантов, направленных на воссоздание целостности и синергии транснационального семейного пространства, фрагментированного посредством государственных границ.

Открытие государственных границ после распада СССР, либерализация визового режима и возникновение границ внутри ранее единого советского пространства также создали условия для возникновения межличностных и родственных отношений, осуществляемых постсоветским населением в трансграничном режиме, вызвав появление дистантных моделей семейных отношений и практик, пересекающих границы.

В постсоветской Украине¹, как одной из крупнейших в мире стран-доноров трудовой миграции², за годы рыночных трансформаций сформировалась новая модель семейных отношений – транснациональная семья мигрантов (далее ТС), обусловленная массовым оттоком украинцев на заработки за рубеж. Она основана на новейших формах родственных уз и практик родительства, осуществляемых в условиях больших географических расстояний и в трансграничном режиме. Учитывая, что такой формат семейных отношений охватывает 15,7% украинских семей, в которых хотя бы один из членов работает за рубежом (ИОМ, 2008, с. 20), новейший для постсоветского государства социально-экономический институт ТС представляет собой важный и перспективный объект исследования, требующий тщательного изучения, особенно в плане его влияния на человеческий капитал вовлеченных в него лиц.

Транснациональная семья мигрантов определяется автором данной работы как модернизированная модель семейных отношений, основанная на «воображаемом союзе» ее мобильных членов, существующем на основе трансграничных взаимоотношений, когда один или более членов семьи работает за рубежом, но поддерживает регулярные родственные связи с родными, оставшимися дома, исполняет свои семейные и родительские функции и дистантно участвует в ведении домохозяйства (Толстокорова, 2013а, 2013б).

Таким образом, в качестве основных критериев, позволяющих квалифицировать семью мигрантов как транснациональную,

¹ В данном тексте предлог употребляется в соответствии с украинской языковой нормой.

² Согласно данным Мирового Банка за 2006 год, уже в середине 2000-х годов Украина занимала 3-е место в мире как донор трудовой силы после России и Мексики, опережая даже таких демографических гигантов, как Индия и Китай (World Bank, 2006, p. 23-24).

принимаются следующие: 1) дистантное участие члена семьи, работающего/ей за рубежом, в ведении домохозяйства на родине и в воспитании оставшихся дома детей; 2) регулярность финансовых поступлений из-за границы в оставшуюся на родине семью; 3) финансовая зависимость семьи мигранта/мигрантки от финансовых переводов из-за рубежа; 4) временный характер проживания мигранта/мигрантки за границей и намерение воссоединиться с семьей дома (Толстокорова, 2017б).

Трансграничный характер семейных отношений мигрантов является важной научной проблемой, поскольку предоставляет богатый материал для понимания взаимосвязи между возрастающей мобильностью населения и психо-эмоциональным благополучием современного общества высоких скоростей и технологий. Не меньшее значение имеет изучение тех повседневных практик, к которым прибегают мигранты для поддержания родственных отношений с оставшейся дома семьей и детьми вопреки пространственной дистанции и государственными границам и для преодоления эмоциональных травм от разлуки с родными. В постсоветских социальных науках, в частности, посвященных изучению границ, эта тема еще не привлекла внимания и исследователей и поэтому представляет собой научную лакуну, требующую заполнения. Это предопределяет актуальность данной работы, главной целью которой является выявление гендерно-специфических стратегий сопротивления эмоциональным рискам трансграничного родительства, используемых украинскими трудовыми мигрантами для обеспечения межпоколенной семейной солидарности в ТС. Практической задачей исследования является анализ обусловленности этих стратегий качеством эмоционального капитала мигрантов и выявление их влияния на режимы циркуляции заботы.

Теоретическая основа исследования. Данная статья продолжает цикл работ автора, посвященных проблематизации психо-эмоциональных рисков в трансграничных семейных отношениях родителей-мигрантов с их остающимися дома детьми (Толстокорова, 2017а, б). Ее теоретической задачей является дальнейшее развитие понятия «эмоциональная культура мобильного родительства», предложенного ранее (Толстокорова, 2017б). Эмоциональная культура понимается вслед за американской исследовательницей социологии эмоций Арли Хоцильд как набор ритуалов, представлений и сакральных идеалов чувств, а также правил управления ими, определяющих эмоциональный фокус в социальных взаимоотношениях с другими людьми (Hochschild, 2003, p. 203).

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Предполагается, что эмоциональная культура мобильного родительства основана на стремлении «трансмигрантов» (Glick-Schiller et al., 1992), кочующих из страны в страну, адаптировать свои родительские практики к нестандартному контексту «совместной жизни порознь» по разные стороны границы и их способностью заботиться об оставшихся дома детях, невзирая на пространственные барьеры. Она во многом обусловлена спецификой «виртуальной интимности» (Wilding, 2006) как императива трансграничной коммуникации, ставшей возможной благодаря возникновению мобильной телефонии и других высоких информационных и транспортных технологий в эпоху глобализации (см. Толстокорова, 2013г).

Понятие «эмоциональный риск» трактуется в соответствии теорией риска Энтони Гидденса и Ульриха Бека (Giddens, 1991; Beck, 1992) как определяющее свойство эпохи глобализации и постмодерна, проявляющееся в ощущениях нестабильности, незащищенности и неуверенности перед лицом стремительно и непредсказуемо изменяющейся окружающей реальности.

Работа исходит из представления, что способность к трансграничной заботе, понимаемой как «эмоциональный труд любви» (Hochschild, 1983), определяется качеством «межличностного эмоционального капитала» матерей и отцов-мигрантов, трактуемым в терминах теории немонетарных капиталов Пьера Бурдьё (Bourdieu, 1986) как уровень позитивной, концентрированной энергии, вкладываемой в работу или личную жизнь.

Гипотезой исследования является предложение, что качество эмоционального капитала детерминировано гендерным фактором, определяющим различные стратегии сопротивления эмоциональным рискам в трансграничных межпоколенческих отношениях мигрирующих матерей и отцов с оставшимися дома детьми.

В качестве интерпретативной основы для исследования стратегий сопротивления негативному эмоциональному эффекту географической дистанции на трансграничные родительские отношения используется теория «циркуляции заботы», разработанная социологами семьи Лореттой Балдассар и Лаурой Мерла (Baldassar, Merla, 2013). Она направлена на изучение различных механизмов оказания заботы и ухода в семьях мигрантов в условиях, когда один или несколько близких родственников работают за рубежом и поддерживают трансграничные отношения с оставшейся дома семьей. Согласно этой теории под «циркулирующей заботой» понимается

мультинаправленный, взаимный и асимметричный обмен заботой между поколениями транснациональных семей мигрантов.

Методология исследования. Данная работа является одним из этапов трансдисциплинарного проекта, направленного на изучение гендерных аспектов украинской трудовой миграции. Оно строится на интерпретативном подходе к анализу трансграничного родительства и использует в качестве эмпирической базы результаты полевого исследования, включавшего глубинные интервью и дискуссию в фокус-группе с 25 украинскими экспертами по вопросам миграционной, гендерной и социальной политики; полуформализованные интервью и два обсуждения в фокус-группах с 43 мигрантами и членами их семей (31 женщина и 12 мужчин); включенное и невключенное наблюдение за целевой группой исследования. Данные полевой работы обрабатывались с учетом результатов анализа вторичных теоретических источников и обзора материалов прессы по вопросам украинской трудовой миграции. Имена респондентов в тексте изменены из соображений соблюдения права интервьюируемых на анонимность.

Границы, семья и гендер

Как указывают ведущие современные миграционологи (Urry, 2000; Rumford, 2006; Richardson, 2013), в последние десятилетия, когда политическая карта мира переживает кардинальные трансформации, проблемы границ, наряду с вопросами мобильности, составляют центральную тематику социальных наук. При этом британский политический социолог Зигмунд Бауман отмечает, что в социальном пространстве современного глобального мира границы и расстояние превращаются в анахронизм и легко преодолевается посредством новейших ИКТ, создающих эффект компрессии пространства и времени (Bauman, 1998).

В то же время американская социолог и экономист Саския Сассен (2013) обращает внимание на распространённое заблуждение, что мы живём в мире, в котором существует намного меньше границ, чем еще 30 лет назад. Оно верно только если мы говорим о традиционных межгосударственных границах, а также о трансграничных потоках капитала, информации и конкретных групп населения. На самом же деле мы всё ещё далеки от мира без границ, и более того, даже по мере того как устраняются барьеры для некоторых секторов экономики и общества, эти же самые сектора создают новые типы уже поперечных границ, которые оказываются непроницаемыми.

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Представляется, что к такому типу «поперечных границ» можно отнести символические внутрисемейные границы, возникающие между членами ТС в результате разделяющего их географического расстояния. Международная трудовая миграция, вызванная глобализационными процессами последних десятилетий, создаёт для семьи «новые фронтиры» (Byraceson, Vuorela, 2002), благодаря которым самые близкие родственники вынуждены поддерживать состояние «семейственности» в разных цивилизационных контекстах, будучи разделены не только пространственным, но и материально-экономическим и социально-культурным барьерами. Этот социальный процесс предполагает не только перемещение трудовой силы, но в первую очередь сложное взаимодействие человеческих личностей посредством семейной динамики, обуславливающей возникновение новых трансграничных практик и норм ухода и заботы, трансформирующихся временем и пространством. Представляется, что эти практики приводят к формированию у мигрирующих матерей и отцов особой эмоциональной культуры мобильного родительства, обусловленной географическим расстоянием. Она вызвана потребностью мобильных индивидов в преодолении «эмоционального дистанцирования» (Parreñas, 2008), неизбежно вызываемого пространственной раздельностью и создается благодаря инвестициям их эмоционального капитала в стратегии сопротивления эмоциональным рискам трансграничного режима родственных отношений, позволяющим сохранить семейную синергию.

При этом значимым фактором оказывается гендер как важный индикатор границ, который наряду с такими факторами, как возрастные, классовые, образовательные, религиозные, этнические, гражданские и др. различия оказывает существенное влияние на то, как географические границы и экзистенциальность трансграничности воспринимаются, создаются, переживаются, пересекаются, преодолеваются и воссоздаются разными людьми (Aaron et al., 2010; Якушенкова, 2013; Расина, 2017).

Анализ результатов исследования¹

Стратегии преодоления психо-эмоциональных вызовов трансграничности мигрантками-матерями

Анализ показывает, что выполнение украинскими женщинами семейных ролей жен и матерей в условиях миграции и трансграничности сопровождается серьезными психологическими

¹ Данный раздел статьи представляет собой доработанный и обновленный вариант одного из разделов работы автора: (Толстокорова, 2017а).

рисками, имеющими негативные последствия для их эмоционального капитала (Толстокорова, 2013в; 2017б; Wall et al., 2005; Tolstokorova, 2008; 2010; 2018). Трансграничный формат семейной жизни диктует необходимость построения как новых пространственных стратегий родительских и супружеских отношений, так и стратегий преодоления этих эмоциональных рисков. Для этого мигранткам приходится выстраивать «альтернативные конструкции» транснационального материнства (Hondagneu-Sotelo, Avila, 1997), сочетая ответственность за финансовое и материальное обеспечение семьи с обязанностями по воспитанию детей, осуществляемыми через барьеры государственных границ.

«Благо детей» как инструмент сопротивления: роль эмоционального капитала матерей для режима поддержания циркуляции заботы

Материалы полевого исследования показывают, что во время работы за рубежом женщины сталкиваются с эмоциональными проблемами, которые им не присущи дома. При этом благо детей является для них «миграционным императивом» (Толстокорова, 2012, стр. 397), позволяющим смягчить боль расставания с родными и близкими. Например, информантка Тамара рассказала, как ее эмоциональный капитал, основанный на чувстве ответственности перед детьми и семьей, помог ей преодолеть травматичный эмоциональный опыт трудоустройства домработницей в итальянской семье. В частности, она считала унижительным для своего достоинства требование работодателя питаться только вместе с ее клиентом, не готовить еду для себя и не хранить в доме собственные продукты. Однако, и сама женщина, и ее родные в Украине сочли это неудобство «неизбежной эмоциональной платой» (Tolstokorova, 2010, p. 190) за те финансовые преимущества, которые получали ее дети благодаря трудоустройству матери за границей:

«Когда я пожаловалась об этом по телефону моей маме, она сказала: «Да, доченька, я тебя понимаю, как тебе тяжело. Но ты должна помнить: прежде всего – ты мать. Пока ты там, твоим детям здесь есть что есть, и мне есть чем платить за их учебу. Зажми свою боль в кулаке и терпи! Ради твоих детей...»» (Тамара, домработница в итальянской семье).

Стратегия «интенсификации материнства»: режим усиления циркуляции заботы

Как уже указывалось ранее (Толстокорова, 2012; Tolstokorova, 2010; 2018), физическое отсутствие в семье, невозможность близкого

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

повседневного контакта с детьми может вызывать у них «чувство родительской вины» (Wall, Arnold, 2007) перед детьми. В качестве компенсаторного механизма этому чувству женщины прибегают к стратегии «интенсивного материнства» (Hays, 1996), т.е. максимизации инвестиций эмоционального капитала в детей в форме максимальной степени любви, заботы и внимания. Эта стратегия интенсификации материнства мигранток сопровождается усилением циркуляции трансграничной заботы, которая может осуществляться в виде регулярно пересылаемых домой материальных и денежных средств, подарков к семейным торжествам, частых контактов по телефону, интернету, электронной и обычной почте, мобильной и SMS связи, визитов домой. Практики финансовой и материальной поддержки оставшихся дома детей выполняют для матерей функцию «эмоционального клея», позволяющего поддерживать эмоциональную связь с ними, невзирая на расстояния (McKay, 2007).

Следует отметить, что если для самих женщин материнская роль имеет первостепенное значение в миграционных стратегиях, легитимируя отъезд из дома, то их работодатели в странах трудоустройства воспринимают ее лишь как неудобный организационный казус и помеху, не заслуживающую внимания и тем более – поддержки (Cvajner, 2011, p. 369-370). Это осложняет процесс циркуляции материнской заботы из-за рубежа, а материнская идентичность мигранток оказывается ущемленной, что может служить деморализующим фактором трансграничного родительства.

Стратегии, используемые мигрантами-отцами для преодоления эмоциональных вызовов трансграничности

Морально-этический и психологический порядок современной семьи предполагает, что отец должен обеспечить своим детям не только финансовый, но и эмоциональный капитал, т.е. установить с ними эмоциональный контакт и предоставлять психологическую поддержку. Этот императив «двойной поддержки» (Busse, 2012) в условиях «двойного отсутствия» (Sayad, 1999) в семье является особенно сложно выполнимым для отцов-мигрантов, поскольку они вынуждены осуществлять семейные функции в условиях больших географических расстояний и барьеров государственных границ. При этом мужчины, безусловно, также страдают и их стратегии эмоциональной защиты могут иметь даже более самодеструктивный эффект, чем стратегии транснациональных матерей, хотя их переживания редко предаются огласке (Carlin et al., 2012, p. 195). Исследования показывают, что поддержание интимных отношений с оставшейся дома семьей является для мужчин даже большим вызовом,

чем для женщин, поскольку им сложнее адаптировать свою отцовскую роль к условиям дистантного родительства (Parreñas, 2008). Поэтому их эмоциональные контакты с семьей и эмоциональные инвестиции в нее отличаются большим разнообразием стратегий.

Исследователи указывают, что эмоциональная цена «отцовства на расстоянии» для мужчин пока еще практически не изучена (Dreby, 2010). Это замечание приобретает особую актуальность в свете утверждений, что в настоящее время мужчины, а не женщины приобретают статус «второго пола» (Бувуар, 2017) и поэтому существует социальный заказ на возврат к восприятию мужчин в традиционных ролях прародителей, брачных партнеров, отцов, воспитателей, и вообще людей с собственными эмоциональными потребностями (Inhorn et al., 2009).

В данной работе были выявлены три стратегии инвестирования эмоционального капитала, используемые мужчинами для преодоления эмоциональных рисков зарубежного трудоустройства и удаленности от семьи, и соответственно, три режима циркуляции заботы: стратегия поддержания стабильных эмоциональных связей с семьей в Украине, обеспечивающая режим эффективной циркуляции заботы; стратегия компенсации эмоционального дефицита одиноких отцов, протекающая в режиме усиления циркуляции заботы, и стратегия переструктурирования эмоциональных связей, ведущая к снижению интенсивности или редукции циркуляции заботы.

Стратегия поддержания стабильных эмоциональных связей с семьей: режим эффективной циркуляции заботы

Тема заботы о детях и положительного психологического эффекта от ощущения значимости своей отцовской роли для благополучия потомства рефреном звучала в историях многих информантов-мужчин (см. Толстокорова, 2014). Она выполняла роль стимула, дающего им силы для преодоления трудностей и превратностей миграционного цикла (Tolstokorova, 2016). Так, благополучие дочери было основным лейтмотивом в интервью Олега, который долго скитался в поисках работы по Западной Европе перед тем, как нашел высокооплачиваемую работу в Австралии и перевез туда семью. Мужчина, которому во время его странствий приходилось голодать, питаться объедками и ночевать под открытым небом, с гордостью рассказал о том, что его «отцовским вознаграждением» за мытарства стала возможность обеспечить высокое качество жизни дочери, оплатив ей получение высшего образования в Сиднее, позволившее ей найти высокооплачиваемую работу в Австралии.

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Забота о благополучии оставшейся в Украине 17-летней дочери придавала силы для сопротивления превратностям судьбы Сергею, отцу-одиночке, проработавшему 3 года в строительном секторе Москвы. Он рассказал о множестве вызовов, с которыми ему пришлось столкнуться во время работы в российской столице. В частности, мужчина поделился воспоминаниями о том, как в день выплаты зарплаты группа гастарбайтеров попала в облаву полиции, конфисковавшей у них весь заработок. Невзирая на опасность и безвыходность положения, первая мысль отца была не о том, как он проживет без денег целый месяц, а как отсутствие его финансовой помощи скажется на благополучии дочери. Он попытался объяснить это «стражу порядка», однако не нашел понимания:

«Я ему говорю: брат, ну будь человеком, оставь хоть немного. Я же не о себе пекусь, у меня дома дочка, 17 лет, одна дома осталась. Ей же нужно на что-то жить, а как она без моих денег? А он: «А кто тебе сказал, что у меня дочки нет? Мне тоже дочку кормить надо. Короче, гони бабки!»

Таким образом, интервью показывают, что для данной группы трансграничных отцов, как и для матерей-мигранток, эффективная циркуляция заботы и поддержание стабильных связей с оставшимися дома детьми и семьей является «миграционным императивом», а успешные и результативные инвестиции финансового и эмоционального капиталов в детей рассматриваются ними как «отцовские дивиденды» миграции (Толстокорова, 2014а, б; Tolstokorova, 2016).

Стратегия компенсации эмоционального дефицита одиноких отцов: режим усиления циркуляции заботы

Полевое исследование свидетельствует о том, что благодаря опыту миграции со свойственным ей одиночеством и отчуждением, некоторые мужчины начинали больше ценить свое отцовство и инициировали режим усиления циркуляции заботы о детях, выстраивая с ними трансграничные отношения, хотя до миграции могли пренебрегать отцовскими обязанностями. Например, бывшая жена мигранта Юлия рассказала историю взаимоотношений своего экс-супруга с дочерью (Толстокорова, 2014а). Семья распалась, когда девочка была еще грудным ребенком. После развода отец не интересовался дочерью и не поддерживал отношений с семьей, но когда девочке исполнилось тринадцать лет, вдруг вспомнил о ней и предложил скромную финансовую помощь. К тому времени мужчина уже долго работал в Италии, где прилично зарабатывал и мог позволить себе финансово поддерживать ребенка. Он стал

периодически звонить дочери по телефону, поздравлял с днем рождения и другими праздниками. Мать девочки была удивлена таким неожиданным «пробуждением» отцовских чувств, предполагая, что одиночество мужчины, проживающего за границей без семьи, на фоне упрочения финансового статуса и социального благополучия благодаря зарубежным заработкам, могло способствовать восстановлению отцовской привязанности в качестве стратегии компенсации эмоционального дефицита, свойственного жизни на чужбине. Как бы то ни было, именно повышение экономического статуса благодаря миграционным доходам побудило мужчину к возобновлению отношений с дочерью в трансграничном режиме и способствовало инвестициям родительского эмоционального капитала в нее, а девочка получила отцовское внимание, которого раньше не имела. Таким образом, в данном случае миграционный опыт способствовал восстановлению традиционной мужской роли «добытчика» и «кормильца», что послужило механизмом интенсификации родительской роли в качестве дистантного отца. Этот пример служит свидетельством того, что как это ни парадоксально, дистанция и трансграничность, вызванные миграцией и транснационализмом, могут выступать факторами, способствующими укреплению института отцовства даже в условиях фактического распада семей, и способствовать возобновлению прерванной циркуляции отцовской заботы уже из-за рубежа. Причем это способствует повышению качества эмоционального капитала как самих трансграничных отцов, так и их «заочных» детей.

Стратегия переформатирования эмоциональных связей: режим снижения или редукции циркуляции заботы

Как правило, за рубежом все свои усилия мужчины сосредотачивают на поиске трудоустройства и зарабатывании средств для финансового обеспечения семьи. В результате они могут испытывать дефицит эмоционального капитала, необходимого для поддержания контактов с оставшимися дома родными. По этому поводу эксперты в своих интервью отмечали:

«Дистанция приводит к отчуждению. Такова человеческая природа. В разлуке она берет свое, она требует, что должна требовать» (Эксперт по женской и гендерной политике).

В результате, у мужчин-мигрантов усиление циркуляции финансовой заботы о семье может сопровождаться понижением циркуляции эмоциональной заботы о ней. В то же время нередки случаи и постепенного отмирания циркуляции заботы со стороны мужчин, когда после отъезда на заработки они прекращают отношения

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

с оставшейся дома семьей и детьми. Как показывают исследования, у отцов это происходит чаще, чем у матерей (Dreby, 2010). Так, среди мигрантов-мужчин, работающих в Португалии, являющейся основной страной назначения мужской миграции из Украины, преобладают те, кто за рубежом завели новые семьи и детей и не поддерживают отношений с семьей на родине (Grassi, Vivet, 2014, p. 3). Это согласуется с данными о трудовой миграции из других постсоветских стран, в частности из Таджикистана, свидетельствующими о том, что чем дольше мужчины остаются за рубежом, тем выше вероятность того, что они создадут себе новые семьи и перестанут поддерживать связь с родными, оставшимися на родине (International Crisis Group..., 2010).

«Если человек живет несколько лет за рубежом, семья распадается <...>. Если они жили отдельно несколько лет <...>, потом очень трудно восстановить отношения» (Эксперт женской неправительственной организации).

Интервью с украинскими экспертами подтверждают данные Джейсона Прибильски (Pribilsky, 2007) о том, что географическое расстояние тяжело переносится мужчинами. Им сложнее соблюдать верность семье и поэтому в странах трудоустройства они стремятся выстроить новые интимные взаимоотношения в качестве прибежища от психологического прессинга чужеродного окружения. Исследователи пост-советской миграции указывают, что для мужчин-мигрантов «полигамия де факто» становится стратегией выживания в стране трудоустройства (Аюпова, 2012, стр. 76-80).

Выводы

Как показывают исследования, коммуникативно-социализационные барьеры, создаваемые государственными границами, хотя и обуславливают множество психологических вызовов для всех поколений ТС – от самого младшего до самого старшего – не становятся для них непреодолимым фронтиром. И сами мигранты, и их семьи на родине находят силы и возможности для преодоления эмоциональных рисков, вызываемых географической дистанцией и государственными границами. Это становится возможным благодаря реструктурированию эмоционального капитала мигрантов-родителей в условиях зарубежной «жизни соло» (Кляйненберг, 2014) с целью компенсировать физическое отсутствие в семье посредством трансграничного «символического взаимодействия и обмена», составляющего специфику новой эмоциональной культуры мобильного родительства эпохи глобализации.

Данное исследование подтвердило гипотезу, что эмоциональный труд трансграничной любви, заботы и ухода распределяется внутри украинской ТС неравномерно и определяется гендерным фактором. У матерей-мигранток циркуляция заботы с оставшейся дома семьей либо поддерживается стабильно либо усиливается, поскольку инвестиции эмоционального капитала находят выражение в интенсификации материнства, являющейся дополнительной психологической нагрузкой на женщин, которая может иметь «эффект эмоционального выжигания» (Толстокорова, 2017а, стр. 296).

У мигрантов-отцов инвестиции эмоционального капитала, и соответственно, направление циркуляции заботы, более дифференцировано. Как и у матерей, оно может быть стабильным, но может и усиливаться, ослабляться или даже редуцироваться и перенаправляться на новые семьи в странах трудоустройства, которые выполняют функцию «эмоционального щита» (Толстокорова, 2017а, с. 296), смягчающего психологические риски и травмы, связанные с работой на чужбине. В последнем случае бремя эмоциональных издержек, вызванных разрушением прежних семейных отношений, перекладывается на плечи жен и детей, оставленных в Украине, ослабляя их эмоциональный капитал.

Обобщая, можно констатировать, что стратегии мигранток-матерей, направленные на преодоление эмоциональных рисков трансграничности и поддержание традиции «семейной межпоколенной солидарности» (Szydlik 2016) как правило оказываются более или менее успешными. В то же время мигранты-отцы могут испытывать дефицит эмоционального капитала и не всегда способны перенаправить его на восстановление синергии транснационального семейного пространства, фрагментированного «фамильными фронтами» миграции. То есть они оказываются менее успешными, чем женщины, в качестве «эмоциональных капиталистов» (Newman, 2008). Это является еще одним подтверждением феномена «репрессированной маскулинности» (Толстокорова, 2014, стр. 93), свойственной украинской трудовой миграции.

Список литературы

- Aaron, J. & Henrice, A. et al. (Eds.) (2010). *Gendering border studies*. Cardiff, University of Wales Press.
- Baldassar, L. & Merla, L. (Eds.) (2013). *Transnational Families, Migration and the Circulation of Care: Understanding mobility and absence in family life*. London: Routledge.

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

- Beck, U. (1992). *Risk society: Towards a New Modernity* / Transl. by M. Ritter. Newberry Park, CA: Sage Publications.
- Bauman, Z. (1998). *Globalization: The Human Consequences*. New York: Columbia University Press.
- Bodley, J.H. *Victims of Progress* (2008). Plymouth: AltaMira Press.
- Bourdieu, P. *The Forms of Capital* (1986). Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. Ed. J.G. Richardson, pp. 241-258. New York: Greenwood.
- Bryceson, D., Vuorela, U. (Eds.) (2002). *The Transnational Family. New European Frontiers and Global Networks*. Oxford: Berg.
- Busse, E. (2012). *The emotional cost of transnational fatherhood: Dilemmas of fathering from afar*. Paper for the Second ISA Forum of Sociology "Social Justice and democratization", Buenos Aires, Argentina, 1-4 August, 2012.
- Carlin, J., Menjivar, M., Schmalzbauer, L. (2012). Central Themes in the Study of Transnational Parenthood. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 38 (2), pp. 191-217.
- Cvajner, M. (2011). Hyper-femininity as Decency: Beauty, womanhood and respect in emigration. *Ethnography*, 12 (3), pp. 356-374.
- Dreby, J. (2010). *Divided by Borders: Mexican Migrants and Their Children*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity: Self and Society in a Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
- Glick Schiller, N. & Basch L. et al. (Eds.) (1992). *Towards a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*. New York: Annals of the New York Academy of Sciences.
- Grassi, M., Vivet, J. *Fathering and Conjugalinity in Transnational Patchwork Families: the Angola/Portugal case* (2014). TL Network Working Paper Series, № 5.
- Hays Sh. (1996). *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Hondagneu-Sotelo, P. & Avila, E. (1997). "I'm Here, but I'm There": the Meaning of Latina Transnational Motherhood. *Gender and Society*, 11, pp. 548-571.
- Hochschild, A. (1983). *The Managed Heart: the Commercialisation of Human Feeling*. Berkley: University of California Press.
- Hochschild, A. (2003). *The Commercialization of Intimate Life: Notes from Home and Work*. Berkley and Los Angeles: University of California Press.

- Inhorn, M. & Tjørnhøj-Thomsen, T., et al. (2009). *Reconceiving the Second Sex: Men, Masculinity, and Reproduction*. New York, Oxford: Berghahn.
- International Crisis Group Central Asia: *Migrants and the economic crisis* (2010). Asia Report № 183.
- IOM (2008). *Migration in Ukraine: A Country Profile 2008*. Geneva: International Organization for Migration.
- McKay, D. (2007). "Sending Dollars Shows Feeling": Emotions and Economies in Filipino Migration. *Mobilities*, 2 (2), pp. 175-194.
- Newman M. (2008). *Emotional Capitalists: The New Leaders*. Chichester: Wiley.
- Parreñas, R.S. (2008). Transnational Fathering: Gendered Conflicts, Distant Disciplining and Emotional Gaps. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 34 (7), pp. 1057 – 1072.
- Pribilsky, J. (2007). *La Chulla Vida: Gender, migration and the family in Andean Ecuadorian and New York City*. Syracuse: Syracuse University Press.
- Richardson, T. (2013). *Borders and Mobilities: Introduction to the Special Issue*. *Mobilities*, 8 (1), pp. 1-6.
- Rumford Ch. (2006). Theorizing Borders: Introduction to Special Issue. *European Journal of Social Theory*, 9 (2), pp. 155–169.
- Sayad, A. (1999). *La double absence. Des illusions de l'émigré aux souffrances de l'émigré*. Paris: Liber.
- Szydlik, M. (2016). *Sharing Lives – Adult Children and Parents*. London, New York: Routledge.
- Tolstokorova, A. (2008). Locally Neglected, Globally Engaged: Ukrainian Women on the Move. In: R. Anderl & B. Arich-Gerz et al. (Eds.), *Technologies of Globalization. International Conference Proceeding*. pp. 44-61. Darmstadt: Technical University Darmstadt.
- Tolstokorova, A. (2010). Where Have All the Mothers Gone? The Gendered Effect of Labour Migration and Transnationalism on the Institution of Parenthood in Ukraine. *The Anthropology of East Europe Review*, 28 (1), pp. 184-214.
- Tolstokorova, A. (2016). Partitioned Paternity: Models of cross-border fathering in Ukrainian transnational families. In: V. Ducu & A. Telegdi Csetri (Eds.), *Managing Difference in Eastern-European Transnational Families*. pp. 27-42, Oxford, New York: Peter Lang.
- Tolstokorova, A. (2018). "And They Shall Be One Flesh...?": Gender convergence of family roles in transnational families of Ukrainian migrant women. In: I. Crespi & S.G. Meda et al. (Eds). *Making Multi-Ethnic and Transnational Families in Europe: Gender and*

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

- intergenerational relations*, pp. 154-160. London: Palgrave Macmillan.
- Urry, J. (2000). *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*. London: Routledge.
- World Bank (2006). *Report. Migration and remittances: Eastern Europe and the former Soviet Union*. Eds. A. Mansoor & B. Quillin. Washington, DC: The World Bank.
- Wall, G. & Arnold, S. (2007). How Involved Is Involved Fathering?: An Exploration of the Contemporary Culture of Fatherhood. *Gender in Society*, 21, pp. 508-527.
- Wall, K. & Nunes, et al. (2005). *Female migration vision. Immigrant women in Portugal: migration trajectories, main problems and policies*. Lisbon.
- Wilding, R. (2006). "Virtual" Intimacies? Families Communicating across Transnational Contexts. *Global Networks*, 6 (2), pp. 125–142.
- Аюпова, Ш. (2012). Узбекская трудовая миграция из южной Киргизии в Россию и ее влияние на гендерные отношения. *Диаспоры*, 2, стр. 61-85.
- Бовуар, де С. *Второй пол* (2017). Перев. с фр. Е. Орловой. М.: Азбука.
- Кляйненберг, Э. (2014). *Жизнь соло: новая социальная реальность*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Расина Э.О. Женщина на нижеволжском фронтире. *Журнал фронтирных исследований*, 3, стр. 21-31.
- Сассен, С. (2013). *Старые границы и новые пограничные возможности: город как зона фронта*. Лекция в институте «Стрелка». 13.06.2013. http://www.strelka.com/blog_ru/sassen-cities-as-frontier-zones/?lang=ru
- Толстокорова, А.В. (2012). «Мама моет раму в Риме»: Гендерные аспекты транснационального родительства в Украине. *Журнал исследований социальной политики*, 10 (3), стр. 396-408.
- Толстокорова, А.В. (2013а). Украинская транснациональная семья как модернизированная модель семейных отношений: панацея, яд или плацебо? *Социологический журнал*, 2, стр. 43-64.
- Толстокорова, А.В. (2013б). Транснациональная и гендерная парадигмы в изучении международной мобильности: на примере Украины. *Социологическое обозрение*, 12 (2), стр. 98-121.
- Толстокорова, А.В. (2013в). Унесенные ветром. Постсоветское поколение украинских женщин-мигранток. *Лабиринт*, 2, стр. 28-44.
- Толстокорова, А.В. (2013г). Любовь по телефону: роль мобильной телефонии в транснациональном материнстве украинских

- мигранток. *Журнал социологии и социальной антропологии*, XVI, (4 /69), стр. 142-158.
- Толстокорова, А.В. (2014а). «Папы всякие нужны»: трансформации института отцовства в украинской транснациональной семье. *Журнал социологии и социальной антропологии*, XVII, (3 /74), 94-111.
- Толстокорова, А.В. (2014б). О бедном мигранте замолвите слово...: модернизация маскулинности в украинской трудовой миграции. *Диаспоры*, 2, стр. 178-197.
- Толстокорова, А.В. (2017а). Трансграничное родительство: гендерные стратегии преодоления психо-эмоциональных проблем. В.И. Ионесов (Ред). *От фрагмента к целому: парадигмы культурных изменений*, стр. 277-298. Самара: Самар. гос. ин-т культуры, ЗАО «Сокол-Т».
- Толстокорова, А.В. (2017б). «Снова между нами города»: эмоциональные вызовы трансграничного родительства. *Телескоп*, 2 (122), стр. 17-23.
- Якушенкова, О.С. (2013). *Женщина на американском фронтире*. Астрахань: изд. Сорокина Р.В.

FAMILY FRONTIERS: GENDERED STRATEGIES OF RESISTANCE TO RISKS OF CROSS-BORDERNESS IN THE EMOTIONAL CULTURE OF MOBILE PARENTING

Alissa Tolstokorova

Alissa V. Tolstokorova, PhD, Associate Professor, Research expert
Independent Analytical Centre, Kyiv, Ukraine
e-mail: alicetol@yahoo.com

The paper sets out to identify and analyze in gender terms the gender-specific strategies of resistance to psycho-emotional risks of cross-borderness by labour migrants, having Ukrainian transnational families as the case in point. It develops the theory of emotional culture of mobile parenting offered in author's earlier works. The paper draws on the results of a field research. The analytical instrument used for the research of strategies of resistance to psycho-emotional challenges of cross-border family relationships the paper employs the theory of "care circulation". Departing from this interpretative framework the paper identifies 5 gender-specific strategies of resistance to psycho-emotional risks of cross-borderness used by Ukrainian migrant mothers a fathers. Migrant mothers resort to th following strategies of resistance: "children's best interests" as an instrument resistance and the strategy of intensification of motherhood which operate withing the care regime of increasing care. Migrant fathers use a greater variety of strategies, starting from a strategy of supporting stable emotional contacts with families which operates within the care regime of efficient care circulation, to the strategy of compensation of emotional

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

deficit of lonely fathers, which works by means of increasing care circulation regime and ending with the strategy of reversal of emotional family ties within the care regime of decline or reduction of care circulation.

Key words: cross-border parenting, Ukrainian labour migration, cross-border mothering, cross-border fathering, transnational family, emotional risks, emotional capital, gendered strategies of resistance, emotional culture of mobile parenting.

References:

- Aaron, J. & Henrice, A. et al. (Eds.) (2010). *Gendering border studies*. Cardiff, University of Wales Press.
- Ajupova, Sh. (2012). Uzbek labour migration from Southern Kirgizia to Russia and its impact on gender relations. *Diasporas*, 2, pp. 61-85.
- Baldassar, L. & Merla, L. (Eds.) (2013). *Transnational Families, Migration and the Circulation of Care: Understanding mobility and absence in family life*. London: Routledge.
- Beck, U. (1992). *Risk society: Towards a New Modernity* / Transl. by M. Ritter. Newberry Park, CA: Sage Publications.
- Bauman, Z. (1998). *Globalization: The Human Consequences*. New York: Columbia University Press.
- Bodley, J.H. *Victims of Progress* (2008). Plymouth: AltaMira Press.
- Bourdieu, P. *The Forms of Capital* (1986). *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. Ed. J.G. Richardson, pp. 241-258. New York: Greenwood.
- Bouvois, S. (2017). *The Second Sex*. Transl. from French by E. Orlova. Moscow: Azbuka.
- Bryceson, D., Vuorela, U. (Eds.) (2002). *The Transnational Family. New European Frontiers and Global Networks*. Oxford: Berg.
- Busse, E. (2012). *The emotional cost of transnational fatherhood: Dilemmas of fathering from afar*. Paper for the Second ISA Forum of Sociology "Social Justice and democratization", Buenos Aires, Argentina, 1-4 August, 2012.
- Carlin, J., Menjivar, M., Schmalzbauer, L. (2012). Central Themes in the Study of Transnational Parenthood. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 38 (2), pp. 191-217.
- Cvajner, M. (2011). Hyper-femininity as Decency: Beauty, womanhood and respect in emigration. *Ethnography*, 12 (3), pp. 356-374.
- Dreby, J. (2010). *Divided by Borders: Mexican Migrants and Their Children*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity: Self and Society in a Modern Age*. Cambridge: Polity Press.

- Glick Schiller, N. & Basch L. et al. (Eds.) (1992). *Towards a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*. New York: Annals of the New York Academy of Sciences.
- Grassi, M., Vivet, J. *Fathering and Conjugalities in Transnational Patchwork Families: the Angola/Portugal case* (2014). TL Network Working Paper Series, № 5.
- Hays Sh. (1996). *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Hondagneu-Sotelo, P. & Avila, E. (1997). "I'm Here, but I'm There": the Meaning of Latina Transnational Motherhood. *Gender and Society*, 11, pp. 548-571.
- Hochschild, A. (1983). *The Managed Heart: the Commercialisation of Human Feeling*. Berkley: University of California Press.
- Hochschild, A. (2003). *The Commercialization of Intimate Life: Notes from Home and Work*. Berkley and Los Angeles: University of California Press.
- Inhorn, M. & Tjørnhøj-Thomsen, T., et al. (2009). *Reconceiving the Second Sex: Men, Masculinity, and Reproduction*. New York, Oxford: Berghahn.
- International Crisis Group Central Asia: Migrants and the economic crisis* (2010). Asia Report № 183.
- IOM (2008). *Migration in Ukraine: A Country Profile 2008*. Geneva: International Organization for Migration.
- Klajnenberg. E. (2014). *Living Solo. A New Social Reality*. Moscow: Alpina NonpFiction.
- McKay, D. (2007). "Sending Dollars Shows Feeling": Emotions and Economies in Filipino Migration. *Mobilities*, 2 (2), pp. 175-194.
- Newman M. (2008). *Emotional Capitalists: The New Leaders*. Chichester: Wiley.
- Parreñas, R.S. (2008). Transnational Fathering: Gendered Conflicts, Distant Disciplining and Emotional Gaps. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 34 (7), pp. 1057 – 1072.
- Pribilsky, J. (2007). *La Chulla Vida: Gender, migration and the family in Andean Ecuadorian and New York City*. Syracuse: Syracuse University Press.
- Rasina, E. Woman at the frontier of the lower Volga region. *Journal of Frontier Studies*, 3, 2017.
- Richardson, T. (2013). *Borders and Mobilities: Introduction to the Special Issue*. *Mobilities*, 8 (1), pp. 1-6.
- Rumford, Ch. (2006). Theorizing Borders: Introduction to Special Issue. *European Journal of Social Theory*, 9 (2), pp. 155–169.

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

- Sassaen, S. (2013). Old Borders and New Pre-Frontier Possibilities: City as a Frontier Zone. Lecture at the “Strelka” Institute, 13.06.2013. http://www.strelka.com/blog_ru/sassen-cities-as-frontier-zones/?lang=ru
- Sayad, A. (1999). *La double absence. Des illusions de l'émigré aux souffrances de l'émigré*. Paris: Liber.
- Szydlík, M. (2016). *Sharing Lives – Adult Children and Parents*. London, New York: Routledge.
- Tolstokorova, A. (2008). Locally Neglected, Globally Engaged: Ukrainian Women on the Move. In: R. Anderl & B. Arich-Gerz et al. (Eds.), *Technologies of Globalization. International Conference Proceeding*. pp. 44-61. Darmstadt: Technical University Darmstadt.
- Tolstokorova, A. (2010). Where Have All the Mothers Gone? The Gendered Effect of Labour Migration and Transnationalism on the Institution of Parenthood in Ukraine. *The Anthropology of East Europe Review*, 28 (1), pp. 184-214.
- Tolstokorova, A. (2012). Mommy Washes Windows in Rome: Gender Aspects of Transnational Parenting in Ukraine. *Journal of Social Policy Studies*, 10 (3), pp. 396-408.
- Tolstokorova, A. (2013a). Ukrainian transnational family as a modernized model of family relationship: panacea, poison of placebo? *Sociology Journal*, 2, pp. 40-62.
- Tolstokorova, A. (2013b). Transnational and Gender Paradigms in the Study of International Mobility. *Russian Sociological Review*, 12 (2), pp. 198-121.
- Tolstokorova, A. (2013c). Gone with the Wind: A Post-soviet generation of Ukrainian migrant women. *Labyrinth. Journal of Socio-Humanitarian Research*, 2, pp. 28-44.
- Tolstokorova, A. (2013d). Love over the Phone: Role of Mobile Communication Technologies in Transnational Motherhood of Ukrainian Migrant Women. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. XVI, (4 /69), pp. 142-158.
- Tolstokorova, A. (2014a). All the Daddies are Welcome: Transformations of the Institution of Fatherhood in Ukrainian Transnational Family. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, XVII, (3 /74), pp. 94-111.
- Tolstokorova, A. (2014b). A Poor Dear Migrant Man Should Also Be Mentioned: Modernization of masculinity in Ukrainian labour migration. *Diasporas*, 2, pp. 178-197.
- Tolstokorova, A. (2016). Partitioned Paternity: Models of cross-border fathering in Ukrainian transnational families. In: V. Ducu & A.

- Telegdi Csetri (Eds.), *Managing Difference in Eastern-European Transnational Families*. pp. 27-42, Oxford, New York: Peter Lang.
- Tolstokorova, A. (2017a). Cross-Border Parenthood: Gendered strategies of overcoming psycho-emotional problems. In: V.I. Ionesov (Ed.) *Paradigms Of Cultural Changes: From a fragment to the whole*, pp. 277-298. Samara: Samara State Institute of Culture, ZAO "Sokol-T".
- Tolstokorova, A. (2017b). Again There Are Cities Between Us: Psycho-emotional challenges of cross-border parenting. *Telescope: Journal of Sociologic and Marketing Research*, 2 (122), pp. 17-23.
- Tolstokorova, A. (2018). "And They Shall Be One Flesh...?": Gender convergence of family roles in transnational families of Ukrainian migrant women. In: I. Crespi & S.G. Meda et al. (Eds). *Making Multi-Ethnic and Transnational Families in Europe: Gender and intergenerational relations*, pp. 154-160. London: Palgrave Macmillan.
- Urry, J. (2000). *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*. London: Routledge.
- World Bank (2006). *Report. Migration and remittances: Eastern Europe and the former Soviet Union*. Eds. A. Mansoor & B. Quillin. Washington, DC: The World Bank.
- Wall, G. & Arnold, S. (2007). How Involved Is Involved Fathering?: An Exploration of the Contemporary Culture of Fatherhood. *Gender in Society*, 21, pp. 508-527.
- Wall, K. & Nunes, et al. (2005). *Female migration vision. Immigrant women in Portugal: migration trajectories, main problems and policies*. Lisbon.
- Wilding, R. (2006). "Virtual" Intimacies? Families Communicating across Transnational Contexts. *Global Networks*, 6 (2), pp. 125–142.
- Yakushenkova, O. S. (2013). *Woman on the American frontier*. Astrakhan: R.V. Sorokin Publisher.